УДК 159.923.2

ИСТОКИ ОТЧУЖДЕНИЯ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ К СЕБЕ И ОКРУЖАЮЩИМ

Кочеткова Т.Н.

ФГБОУ ВПО «Дальневосточный государственный гуманитарный университет», Хабаровск, e-mail: psydv@ya.ru

Статья посвящена обзору проблемы генезиса отчуждения и его проявлений. Отправной точкой является тезис о зарождении отчуждения в той микросреде, где пройдет развитие и формирование личности ребенка. Анализ эмпирических исследований показывает ведущую роль значимых взрослых в формировании представлений о собственном «Я». Жесткое и непоследовательное поведение родителей или замещающих их взрослых, инициирует ощущение собственной незначимости, низкого самоуважения, подрывающих веру в себя. Поощрение взрослыми соревновательных ситуаций, интенсифицирует рост самооценки, приучая оценивать собственную ценность лишь в контексте сравнений с другими людьми. Регулярное ущемление окружающими прав и человеческого достоинства, сопровождающиеся «привитием» идей объектности, несамостоятельности, ущербности собственного «Я», рождают отчужденный взгляд на себя и других.

Ключевые слова: отчуждение, самоотчуждение, «Я», детско-родительские отношения, дистанцирование, самооценка, самоотношение, объектность, манипулирование.

ORIGINS OF ALIENATION AND ITS MANIFESTATION TO ITSELF AND SURROUNDINGS

Kochetkova T.N.

Far-East State Humanities University, Khabarovsk, e-mail: psydv@ya.ru

The article is devoted to the survey of genesis of alienation and its manifestation. Starting point is the thesis about the origin of alienation in that micro environment, where the development and formation of a child personality will take place. Analysis of empiric research shows a leading role of meaningful adults in forming the ideas about «I» itself. Hard or inconsistent behavior of parents or substituting them adults initiate the sensation of his low meaningfulness, a low self-respect, ruining the belief in himself. Encouragement made by adults of emulative situations intensifies the growth of self-evaluation, training to evaluate his own value only in the context of comparison with other people. Regular wounding by surrounding people the rights and human virtue, accompanied by «inculcation» the ideas of objectiveness, dependence, impairment of his «I», give birth to the estranged view of himself and others.

Keywords: alienation, self-alienation, «I», children-parents relationship, dissociation, self-appraisal, treatment to itself, objectiveness, manipulation.

Концепт «отчуждение» синтезирует в себе понятия «чужой» (неродной, не принадлежащий) и «чуждый» (неизвестный, странный, враждебный) [11]. В.А. Петровский, М.В. Полевая понимают под ним результат «неотраженности» собственной субъектности в зеркале другого. Проявления отчуждения в отношениях с другими людьми, сопровождаются эмоциональной отгороженностью, осознанием лишенности чего-либо. Сходное отношение человек может адресовать самому себе. Отстраненность от собственного «Я» связана с осознанием своей объектности, зависимости от внешних сил. Истоки отчуждения коренятся в микросоциальных условиях семьи, получая дальнейшее развитие в общепризнанных взглядах, установках, определяющих ценности общества, частью которого человек является.

Социальное развитие ребенка всецело зависит от окружающих его близких, осуществляющих формирование личности в контексте «Я – другие», что, согласно распространенному мнению специалистов, соответствует развитию самооценки. Однако для ее функционирования человеку необходимы определенные знания и опыт, которые лишь начинают оформляться в младшем дошкольном возрасте. Полагаем, что до трех лет развивается не самооценка, а самоотношение ребенка, которое вначале представляет собой некритично ассимилированное отношение референтных взрослых. Их любовь, признание, одобрение, стимулируют рождение детской убежденности в собственной ценности, значимости, привлекательности для других, выступая в будущем каркасом для высокой самооценки. Двойственное или негативное отношение значимых людей рождает почву для отчуждения от себя и других.

Если самоотношение обнаруживается в аутосимпатии, самопринятии, самоценности, чувстве собственного достоинства и т.п., то самооценка проявляется в самоуважении, самоуверенности, честолюбии, чувстве компетентности и т.п. Притом, что са-

мооценка функционирует в сравнительном контексте с другими людьми, а самоотношение ограничивается собственными рамками – «Я – Я», они не изолированы друг от друга, что обеспечивает изменение взгляда на собственное «Я» в свете новых сведений о своей личности [4, 25, 32, 34].

Отношение родителей к ребенку определяется составом семьи и ее материальным уровнем, состоянием здоровья родителей, их личными и характерологическими чертами, эмоциональной дистанцией между членами семьи, особенностями поведения детей, памятью родителей о своем детстве, определяющем экспектации, связанные с собственным ребенком [29, 34].

Работа деструктивного жизненного сценария, заложенного в родительской семье, получила многочисленные подтверждения в эмпирических исследованиях. Согласно выводам И.А. Колесникова, генезис невротических депрессивных расстройств женщины в период беременности сопряжен с психотравмирующими отношениями с собственными родителями, поскольку отношения с отцом оценивались как неудовлетворительные, с матерью – как конфликтные или неудовлетворительные. Трудности в адаптации проявляются у женщин в замкнутости, самокритичности, экстернальности, неготовности к принятию себя в роли матери, тревожно-депрессивном отношении к себе, супругу, близким [13].

Р.К. Махмутова исследовала связь родительских установок матери с личностной зрелостью. Оказалось, что низкий уровень личностной зрелости соотносится с низкой самооценкой, негативным самоотношением и повышенной критичностью. Женщины не принимают других и собственную социальную роль, не умеют устанавливать доверительные отношения с окружающими, не пытаются изменить не устраивающую их ситуацию. Они не поощряют ребенка к активности, но стремятся оградить его от забот и трудностей, жертвуют собой ради счастья ребенка. Последнее обстоятельство автор объясняет двояко: желанием матери манипулировать судьбой ребенка или стремлением ощутить собственную значимость [20].

Когда родители занимают в детско-родительских отношениях доминирующую роль, излишне вмешиваются в мир ребенка, то эмоционально дистанцируются от него [23]. Используя сверхопеку, родители подавляют инициативу и волю ребенка, формируя инфантильного человека. Деспотическое воспитание стимулирует пассивно-защитный тип поведения, связанный с заторможенностью, неуверенностью, зависимостью. Противоречивое и унижающее воспитание приводит к формированию агрессивно-защитного поведения, сопровождающегося повышенной возбудимостью и неустойчивостью.

Дети, «отстраняющихся» родителей, демонстрируют коммуникабельность, открытость, уверенность, самостоятельность в их отсутствии (при совместном проведении исследования, дети характеризовались враждебностью, необщительностью, повышенной конфликтностью, закрытостью, сниженным ощущением самоценности). Отчужденность детско-родительских отношений обусловлена родительским выбором авторитарной гиперсоциализации, симбиоза, сочетаемых с наказаниями ребенка [28]. О.В. Бондарева, М.Д. Ктениду, Т.К. Хозяинова, причинами выбора родителями авторитарной или гиперопекающей позиции, называют драматичный опыт в прошлом, связанный с нарушением границ суверенности [5].

В большинстве семей ребенок получает от родителей любовь и признание только тогда, когда соответствует их ожиданиям. Данную ситуацию К. Роджерс объяснил с помощью понятия «условной любви», которую необходимо заслужить ценой отказа от собственных желаний. Результаты воспитательного воздействия устраивают взрослых, но смещают акценты в самовосприятии ребенка, приучая к внешней оценке собственного «Я». Интенсификацию развития самооценки обуславливают дошкольные и учебные учреждения.

На здоровую роль отчуждения, необходимую для развития личности, указали Г.В. Гегель, Л. Фейербах, В.В. Абраменкова, С.И. Петошина, А.Е. Горбушин. В данном контексте отчуждение является источником самопознания, рефлексии. Являясь антиподом идентификации, отчуждение определяет жизненные отношения субъекта с миром.

С обретением статуса школьника, ребенок экстраполирует школьную успеваемость на целостную оценку своей личности, привыкает к дистанцированному обращению по фамилии. Одной из характерных черт традиционной школы является направленность на репродуктивный уровень знаний, что, с одной стороны, облегчает проверку усвоения знаний, но с другой – способствует развитию шаблонного

индивида, имеющего готовые ответы на вопросы. Отсутствие собственной позиции и неумение думать самостоятельно – основные составляющие для манипулятивного воздействия извне.

Появление новых признаков отчуждения или их сглаживание можно оценить по составляющим психологической безопасности: отношениям ребенка к классу в целом и к отдельным сверстникам, отношению к себе и учителям, самочувствию ребенка и его поведению. О наличии проблем можно судить по чувству дискомфорта, низкому социальному статусу в группе, отрицанию или негативной оценке собственных качеств, восприятию учителя как объекта негативных эмоций, ощущению незащищенности, проявлению школьной тревожности, уровню мотивации к учению, неуверенному или агрессивному поведению. Дополнительно ситуацию могут осложнить завышенные ожидания родителей, которые приведут лишь к снижению успеваемости ребенка, боязни неудач, учебной тревожности [3, 15].

Попытка ребенка отстоять свои права нередко сопровождается демонстрацией окружающим агрессивного поведения. Его проявления редко находят понимание в их глазах, т.к. за очевидным нарушением порядка они не видят истинных причин его появления. В зависимости от действий взрослых, ребенок становится агрессивным или тревожным, привыкая в первом случае «наказывать» окружающих, во втором – самого себя.

Младшие подростки отмечают, что их права взрослые нарушают чаще, чем сверстники, но при этом поведение родителей оценили как толерантное. Старшие подростки жалуются чаще на нарушение своих прав, одновременно осознавая, что в реальном поведении действуют сходным образом. Личностное притеснение подростки связывают с оскорблениями, несправедливыми оценками учителей, запретами и ограничениями. Ю.С. Пежемская выявила существенные особенности в ценностных ориентациях подростков: дети 11–12 лет в поведении и межличностных отношениях ориентированы на социальное признание, обладание материальными благами, достижение целей, потребности в безопасности и самоопределении. Старшие подростки стремятся к удовлетворению желаний, развлекательному образу жизни, управлению другими. К ценностям зрелости, социальной культуры и духовности подростки остались безучастны. Знание своих прав они связывают с осмыслением границ дозволенного и ощущением защищенности [26].

Несколько иначе выглядят душевные переживания воспитанников детских домов. Отсутствие семьи искажает представления ребенка о самом себе, что приводит к формированию устойчиво заниженной самооценки. Младшие подростки учатся прагматично строить отношения с другими, с тем, чтобы ни к кому не привязываться; постепенно привыкают жить по указке взрослых. Они малоинициативны, нерешительны, избегают всего нового, выбирают для реализации простые жизненные задачи и ситуации. Через идентификацию с другими воспитанниками детского дома формируется чувство «Мы», компенсирующее личностную незрелость [9].

С формированием ситуативной и личностной тревожности, подростки утрачивают потребность в успехе и достижении высокого результата. А.А. Метелина предполагает, что нарушение личностного развития связано с переживанием дефицита позитивного воздействия и отсутствием внешней поддержки со стороны близких взрослых [21].

Подростки-сироты четко ограничивают рамки разделения людей на «своих и чужих». В это время у них появляются опасения, связанные с повторением жизненного пути их неблагополучных родителей. В сравнении с подростками, растущими в семье, сироты более агрессивны, интровертированы и тревожны. Воспитанники ориентированы на ближайшее будущее, отдаленная временная перспектива вызывает у них фрустрацию. В юношеском возрасте усиливается переживание опасности внешнего мира в связи со скорым выходом из детского дома. К появившейся в подростковом возрасте категоризации людей, добавляется переживание одиночества как источника психологической опасности – отчужденности, проявления которого состоят в нравственном и правовом нигилизме, тревожности, ранимости, изолированности, отсутствии смысла жизни [8, 9, 24].

Учебные учреждения стимулируют динамику самоуважения обучаемых через сравнение собственных результатов с успехами других людей. Согласно данным экспериментальных исследований, полученных на юношеской выборке, низкое самоуважение связано с устойчивым чувством неполноценности, ущербности, проявляется в нечестности, членстве в асоциальных

группах, совершении правонарушений, попытках испробовать на себе действие алкоголя и наркотиков. Агрессивные действия индивид адресует не только другим, но и себе, о чем можно судить по попыткам совершения суицида, проявлениям пограничных нервно-психических расстройств [12].

Компенсаторным способом повышения депревированного социального статуса является демонстративное потребление, связанное со стремлением подражать успешным людям, используя сходные товары и услуги. Количественные характеристики демонстративного потребления зависят от притязаний субъекта на высокий статус, качественные – от материального благополучия. Н.В. Шайдакова предположила, что чрезмерно выраженное демонстративное потребление старшеклассников и студентов из семей с невысоким социально-экономическим статусом, говорит о предыдущих психологических травмах, отраженных в субъективной оценке нарушений психологического пространства. «Сверхпотребление» они используют в надежде справиться с посттравматическими стрессовыми расстройствами. Также автор полагает, что отказ молодых людей от демонстративного потребления, говорит не о самодостаточности, а следовании чужим ценностям, т.к. их социальную жизнь контролируют близкие, нарушающие границы суверенности личности [36].

Люди, сильно отличающиеся от других, вызывают недоумение. Наиболее часто их воспринимают как социальных аутсайдеров. В исследовании А. Донцова, И. Зеленева, посвященного категоризации социального окружения, было выявлено, что часть респондентов испытывала трудности при оценке категории «чуждый». Вместе с тем, исследователи констатировали большую рефлексивность участников эксперимента в обоснованности данного конструкта, что раскрывало причины их отрицательных оценок. В категорию «непонятных других» попали: алкоголики, наркоманы, воры, мошенники, коррупционеры, взяточники, бандиты, преступники, бывшие заключенные, агрессивные, злые, высокомерные, заносчивые, самовлюбленные. Респонденты практически не использовали соотнесение выделенных характеристик с чертами собственного «Я». В число профессиональных сфер, ассоциирующихся в массовом сознании с отчуждением, попали чиновники, сотрудники правоохранительных органов, врачи [10].

Работники муниципальных учреждений и государственных структур, призванные защищать интересы граждан, нередко их нарушают, особенно в ситуации анонимности или дистанцированного предоставления услуг. Индикатором проявлений отчуждения в социальных контактах является применение обезличенной речи, когда о присутствующем человеке говорят в третьем лице. Более сильный партнер стремится упростить роль собеседника до позиции объекта манипуляций, ущемляет интересы другого, обратившегося за помощью. Коммуникативно отчуждаемая личность в своем мировосприятии ощущает подвластность судьбы внешним силам, утрачивает собственное «Я», не верит в возможность получения ожидаемого результата, несмотря на осуществление рациональных действий, воспринимает окружающую действительность как мир с разрушенной системой ценностей, страдает от одиночества, исключенности из социальных связей [16, 17].

Объектное отношение к другим чаще всего связано с идентичным отношением к самому себе, поэтому Н.И. Сарджвеладзе назвал его субъект-объектным. Его особенность состоит в том, что человек смотрит на себя глазами стороннего наблюдателя, и даже собственные характеристики становятся важными лишь с оценочной позиции окружающих. По сути, речь идет о рыночной личности, не обладающей подлинным «Я». Отсутствие конгруэнтности латентно приводит к дезинтеграции и психопатологизации личности, вызывая рост психологических проблем и защит [18].

Неразрывная связь самооценки и самоотношения проявляется в идентичных структурных компонентах [14, 19, 25, 31, 32]. Представляет интерес исследование А.М. Колышко, выполненное на выборке учителей. Автор обнаружил, что с преобладанием в самоотношении оценочной составляющей, индивид формально воспринимает ситуации, стереотипно отражает реальность, категорично оценивает себя и других; его личная позиция отождествлена со статусной. При доминировании эмоционально-ценностной подсистемы, человек обладает субъектностью, рефлексивностью, устанавливает доверительные отношения с другими людьми [14].

О.М. Анисимова полагает, что положительным фоном для адекватной самооценки является эмоциональная стабильность. Е.Т. Соколова, Е.О. Федотова установили,

что недифференцированность когнитивной сферы приводит к лабильности самооценки под влиянием внешних условий. Высокая и нестабильная самооценка инициирует высокую враждебность и реакции гнева [22]. Согласно данным Д.А. Марьяненко, испытуемые с заниженной самооценкой более рефлексивны в сравнении с теми, кто имеет завышенную самооценку, но при этом склонны к излишней самокритике. Неадекватно завышенная самооценка позволяет человеку приписывать себе позитивные черты ввиду их высокой оценки окружающими, но в реальной действительности люди добиваются желаемого манипулятивными стратегиями [19].

Выводы

1. Отчуждение рождается в социальных контактах, обуславливая объектное восприятие себя и других.

2. Причины генезиса отчуждения кроются в жестких или непоследовательных воспитательных стратегиях, ригидном поведении референтных взрослых, являющихся «носителями» отчужденности. Считаем, что магистральной причиной роста отчуждения от себя и других является активное поощрение взрослыми ситуаций соперничества, при которых собственные достижения обязательно соотносятся с успехами других людей, что вызывает рост оценочных аспектов собственного «Я» в ущерб эмоционально-ценностному самоотношению.

3. Отчуждение от других проявляется в речевом обезличивании, манипулировании, отсутствии сходства в мировоззрении, когда другие воспринимаются как странные, чуждые, враждебные.

4. Самоотчуждение связано с ощущением оторванности от собственного «Я»; инициатором отрицательных эмоций и их акцептором является сам человек.

Список литературы

1. Абраменкова В.В. Проблема отчуждения в психологии // Вопросы психологии. – 1990. – № 1. – С. 5–12.

2. Анисимова О.М. Самооценка в структуре личности студента: автореф. … дис. канд. психол. наук. – Ленинград, 1984. – 17 с.

3. Беляева П.И. Учет педагогом психологической безопасности младшего школьника в образовательном процессе // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 197–202.

4. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. – М.: Прогресс, 1986. – 421 с.

5. Бондарева О.В., Ктениду М.Д., Хозяинова Т.К. Аспекты приватности в отношениях родителей с подростками // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 2. – С. 73–85.

6. Бороздина Л.В. Динамика самооценки от подросткового возраста к взрослости // Новые исследования в психологии и возрастной физиологии. – 1990. – № 1. – С. 25–27.

7. Гегель Г.В. Сочинения в 14 тт. Т. 3. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – 372 с.

8. Горбушин А.Е. Преодоление социально-психологической отчужденности воспитанников школы-интерната: авт. … дис. канд. пед. наук. – М., 1993. – 15 с.

9. Гребенникова Е.А. Внутренний мир подростков-сирот, воспитывающихся в условиях учреждений интернатного типа // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 441–446.

10. Донцов А., Зеленев И. Человек публичный: оценивающий и оцениваемый // Развитие личности. – 2009. – № 4. – С. 40–55.

11. Зацепина М.В. Семантическая структура ключевых слов концептов отчуждение и entfremdung в сопоставительном аспекте // Политическая лингвистика. – 2005. – Выпуск № 16. – С. 152.

12. Иванова С.П. Формирование устойчивости к негативным влияниям социальной среды как фактор личностной безопасности молодежи // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 213–216.

13. Колесников И.А. Невротические депрессивные расстройства и семейное функционирование у беременных женщин (в связи с задачами психотерапии): автореф. дис. … канд. мед. наук. – СПб., 2010. – 27 с.

14. Колышко А.М. Психология самоотношения. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 102 с.

15. Константинова Н.И. Роль семьи в развитии мотивации младших школьников // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 404–407.

16. Косова О.А. Многоаспектность феномена отчуждения // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – Выпуск № 1 (21). – С. 53.

17. Костюшкина О.А., Косова Г.М. Когнитивно-стратегический механизм отчуждения // «Magister Dixit» – научно-педагогический журнал Восточной Сибири. – Июнь 2011. – № 2 (06). – URL: http://md.islu.ru/

18. Лукьянова З.Н. Развитие образа «Я» как фактор формирования позитивной самооценки личности студента // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 2 (33). – С. 210–212.

19. Марьяненко Д.А. Черты личности и особенности актуальной самооценки: автореф. дис. … канд. психол. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.

20. Махмутова Р.К. Особенности родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 2. – С. 165–172.

21. Метелина А.А. Установки родителей на воспитание подростка в кадетской школе // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы

Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 412–416.

22. Молчанова О.Н. Низкая самооценка: восемь проблем // Перспективные направления психологической науки: сборник научных статей / Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 63–84.

23. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

24. Опевалова Е.В. Психологическая безопасность в отражении воспитанников детского дома // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 232–236.

25. Пантилев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система (спецкурс). – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 108 с.

26. Пежемская Ю.С. Психолого-правовые основания общения подростков как критерий их межличностной толерантности // Психология в педагогической деятельности: традиции и инновации. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию, психологической науки и образования в Герценовском Университете (к юбилею кафедры психологии развития и образования психолого-педагогического факультета). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 220–225.

27. Петошина С.И. Отчуждение как социокультурный феномен и понятие социально-философского анализа: автореф. дис. … канд. филос. наук. – Архангельск, 2010. – 20 с.

28. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // Вопросы психологии. – 2001. – № 1. – С. 19–26.

29. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под ред. Е.Н. Волковой. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

30. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 204 с.

31. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 215 с.

32. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 252 с.

33. Фейербах Л. Сочинения: в 2-х томах. – М.: Наука, 1995. – Т. 1. – 502 с.

34. Цымбал Е.И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. – М.: РБФ НАН, 2007. – 272 с.

35. Чеснокова И.И. Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности / под ред. Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1982. – С. 121–126.

36. Шайдакова Н.В. Социально-психологические аспекты демонстративного потребления старшеклассников и студентов: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2014. – 26 с.